

**НОМИНАТИВНЫЙ РЯД
КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ: АНАЛИЗ
ТЕКСТА ЭДМУНДА ШКЛЯРСКОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТИХОТВОРЕНИЯ
БОРИСА ПАСТЕРНАКА**

*О. М. ГОЛИКОВА. НОМИНАТИВНИЙ РЯД ЯК ЗАСІБ СТВОРЕННЯ
ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНИХ ЗВ'ЯЗКІВ: АНАЛІЗ ТЕКСТУ ЕДМУНДА ШКЛЯРСЬКОГО КРІЗЬ
ПРИЗМУ ВІРША БОРИСА ПАСТЕРНАКА.*

У статті описано номінативні ряди як особливий індикатор інтертекстуальності. Аналізується інтертекстуальний потенціал цих конструкцій у зв'язку з їхньою граматичною природою. Наголошується прецедентність номінативного ряду у російській поетичній традиції. Наводяться приклади поетичних творів, де номінативні ряди є сигналами інтертекстуальності. У статті показано, що спираючись на прецедентні тексти, форма номінативного ряду повторює певний поетичний смисл або смисли. Центральне місце посідає опис інтертекстуального зв'язку між поезіями Едмунда Шклярського та Бориса Пастернака. Аналіз інтертекстуального потенціалу інших однорідних граматичних рядів визначено як перспективу дослідження.

Ключові слова: інтертекстуальність, номінативний ряд, прецедентність, сигнал інтертекстуальності, передтекст, похідний текст.

*О. Н. ГОЛИКОВА. НОМИНАТИВНЫЙ РЯД КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ: АНАЛИЗ ТЕКСТА ЭДМУНДА ШКЛЯРСКОГО СКВОЗЬ
ПРИЗМУ СТИХОТВОРЕНИЯ БОРИСА ПАСТЕРНАКА.*

В статье описываются номинативные ряды как особый индикатор интертекстуальности. Анализируется интертекстуальный потенциал этих конструкций в связи с их грамматической природой. Подчеркивается прецедентность номинативного ряда в русской поэтической традиции. Приводятся примеры поэтических произведений, где номинативные ряды являются сигналами интертекстуальности. В статье показано, что опираясь на прецедентные тексты, форма номинативного ряда повторяет определенный смысл или смыслы. Центральное место занимает описание интертекстуальной связи между стихотворениями Эдмунда Шклярского и Бориса Пастернака. Анализ интертекстуального потенциала других однородных грамматических рядов является перспективой исследования.

Ключевые слова: интертекстуальность, номинативный ряд, прецедентность, сигнал интертекстуальности, предтекст, производный текст.

*OKSANA GOLIKOVA. NOMINATIVE ROW AS A TECHNIQUE OF CREATING
INTERTEXTUAL RELATIONS: THE ANALYSIS OF EDMUND SHKLYARSKY'S TEXT THROUGH
THE PRISM OF THE POETRY BY BORIS PASTERNAK.*

The article deals with the specific intertextual potential of nominative rows. The grammatical nature of the constructions being analyzed is described in connection with their functioning as the indicators of intertextuality. The precedence of the nominative row in the Russian poetic tradition is outlined. The nominative rows are described in connection with their functioning as the indicators of intertextuality in the derivative texts. The article deals with fact that based on precedent texts, the nominative row's form reiterates a specific sense or specific senses. The focus is given to the description of the intertextual relation between the poetry by E. Shklyarsky and B. Pasternak. Analysis of the intertextual potential of other homogenous grammar rows is determined as a prospect for further surveying.

Key words: intertextuality, nominative row, precedence, intertextuality indicator, original text, derivative text.

Феномен інтертекстуальності достатньо детально описан в сучасних наукових роботах. Одним із найбільш повних і відповідаючих сучасному антропоцентричному под-

ходу к явлениям культуры, мы считаем определение интертекстуальности, предложенное В. Е. Чернявской. Автор понимает интертекстуальность как «наличие одного (или нескольких) предтекстов в другом, а также отношение, возникающее между текстом и его предтекстом (-ами)» [4, с. 11]. Лингвисты рассматривают интертекстуальность как категорию «разгерметизации» и открытости текста, благодаря которой текст способен вступать в отношения «живого подобия» с другими текстами (термин Штирле – О. Г.). В структурно-семиотическом плане это подразумевает соотносительность между знаковыми системами, представленными в тексте и предтексте, а также способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел. Концепция К. Штирле является существенным расширением теории интертекстуальности. Ученый выделяет, с одной стороны, универсальную интертекстуальность, позволяющую соотносить практически каждый текст с другим существующим, а с другой, – собственно «привилегированную» актуализированную интертекстуальность. При этом один текст содержит конкретные и явные отсылки к отдельно взятым текстам (или их группам) и / или лежащим в их основе смысловым кодам. Эта теоретическая основа позволяет говорить об интертекстуальности в узком смысле, в том случае, когда автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, а также при помощи формальных средств обнажает его для читателя. Предполагается, что не только сам автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты предтекстов, но и читатель-адресат верно определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотносительности. Необходимым условием такого взаимодействия между автором и читателем является интертекстуальное сознание обеих сторон. В некоторых случаях автор вербализирует в тексте ожидаемую активную позицию читателя по отношению к своему произведению, подчеркивает открытость текста для читательского сотворчества. Например, у нашего современника поэта Владимира Шагина читаем:

*Осилив пару сотен строк,
Зевнешь: от Шагина до Блока
Не два шага и не два блока.
Как жаль, что рано умер Блок.*

*А я вот «жив» (тут закавычено).
А ты читай – тебе назначено
Довычеркнуть, что недovyчеркнул.
Оно и писано-то начерно.*

Словосочетание «писано начерно» подчеркивает нарочитую незавершенность стихотворения и всех стихотворений сборника, поскольку поэт высказывает эту мысль в первом (заглавном) стихотворении. Акцентируется открытость текстов для нового прочтения и переосмысления.

Говоря о способах включения элементов предтекстов во вторичные тексты, филологи уделяют особое внимание цитированию, причем подробно анализируется уровень лексики (например, работы Рябининой, Шаповаловой, Ямпольского). Грамматический уровень как маркер межтекстовых связей описан скудно. Вслед за Е. А. Скоробогатовой, мы считаем, что «в русском поэтическом языке существует ряд грамматических моделей, которые устойчиво воспроизводятся, указывая на прецедентные тексты и повторяя определенный поэтический смысл или смыслы» [3, с. 184]. Изучение прецедентных моделей в языке русской поэзии, с нашей точки зрения является актуальным и перспективным. Предметом нашего рассмотрения являются номинативные ряды в качестве средства указания на связь между текстами. Интертекстуальный потенциал номинативных рядов был ранее рассмотрен в работе [1]. Однородные грамматические ряды особого типа являются предметом нашего научного интереса. Под однородными грамматическими рядами мы понимаем последовательности морфологически и / или синтаксически однородных языковых единиц, объединенных композиционной ролью и связанных с определенным приемом построения текста. Среди однородных грамматических рядов мы выделяем: морфологические, синтаксические, а также морфолого-синтаксические ряды. Номинативный ряд мы понимаем как последовательность морфологически однородных номинативов (существительных в именительном падеже), объединенных композиционной ролью и связанных с определенным приемом построения текста. В большинстве случаев номинативы, составляющие морфологический ряд, являются синтаксически однородными (однотипными), хотя этот

критерий не является обязательным для выделения ряда [1, с. 6]. Исходя из тезиса о том, что фольклорно или культурно отмеченная грамматическая форма «служит своеобразным каналом информации, связывающим известную читателю традицию с конкретным текстом» [2, с. 69], мы рассматриваем интертекстуальную активность формы номинативного ряда на примере текста Эдмунда Шклярского. Рабочей гипотезой является интертекстуальная связь между стихотворением Бориса Пастернака «Определение поэзии» и вышеуказанным текстом. Цель данной работы – расширить представление об интертекстуальном потенциале грамматической формы однородного номинативного ряда.

В ходе своего исследования мы рассматривали случаи, когда языковыми сигналами интертекстуальности являются номинативные ряды как грамматическая основа стиха, а также цитируются лексемы-члены рядов. В качестве примера можно привести стихотворение Анны Ахматовой «Опять проходит полонез Шопена», где она вступает в диалог с Александром Блоком:

*Он прав – опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...*

Поэтесса прямо не называет своего собеседника, но цитирование двух членов известного номинативного ряда (*Ночь, улица, фонарь, аптека...*) в сочетании с аналогичной грамматической формой без сомнения указывает на автора классического образца символистской поэзии. С этим же стихотворением А. Блока перекликается стихотворение С. Гандлевского, вошедшее в сборник 2012 года:

*Как видишь, нет примет особых:
Аптека, очередь, фонарь...*

Проведенный нами анализ ряда стихотворений позволил сделать вывод о том, что сигналом интертекстуальности выступает особый структурно-семантический комплекс – номинативный ряд, а не только цитирование лексем, входящих в этот ряд в качестве предикативных членов. Настоящее исследование направлено на расширение представления об интертекстуальном потенциале однородного номинативного ряда как грамматической формы. Для анализа выбран текст, в котором отсутствует буквальное цитирование предтекста. Соответственно, на наш взгляд, сигналом интертекстуальных связей служит структурно-грамматическая форма номинативного ряда. Проверим эту гипотезу, рассмотрев поэтический текст Эдмунда Шклярского «Это – выстрел в висок». Этот текст широко известен слушателям в качестве композиции из сборника группы «Пикник» «Настоящие дни».

*Это – выстрел в висок, изменяющий бег,
Это – черный чулок на загорелой ноге,
Это – страх темноты, страх, что будет потом,
Это – чьи-то шаги за углом, это...
Это – камень в руке, это лезвие бритвы,
Настоящие дни, настоящие дни.
Это – ждущие свет люди в серых пальто,
Настоящие дни, да, да, это...
Если будет день – значит тени не в счет
Если харакири – то кривым мечом
Если тушат свет – значит, грех так грех
Если минарет – значит выше всех
Выше всех, выше всех!*

Тексты, ставшие составляющей музыкальных композиций, вызывают дискуссии о своей принадлежности к поэзии. В нашем случае Шклярский посредством выбранной формы текста причисляет продукт своего творчества к поэтическому (вербальному) искусству. У слушателя, знакомого с русской поэтической классикой, возникает стойкая ассоциация со стихотворением Бориса Пастернака «Определение поэзии»:

*Это – круто налившийся свист,
Это – щелканье сдавленных льдинок.
Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьев поединок.*

Это – сладкий заглохший горох,

*Это – слезы вселенной в лопатках,
Это – с пультов и с флейт – Figaro
Низвергается градом на грядку.*

*Всё, что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных доньях,
И звезду донести до садка
На трепещущих мокрых ладонях.*

*Площе досок в воде – духота.
Небосвод завалился ольхою,
Этим звездам к лицу б хохотать,
Ан вселенная – место глухое.*

Остановимся подробнее на композиционно-грамматическом устройстве обоих текстов. Первая строфа стихотворения Эдмунда Шклярского состоит из 4 стихов, каждый из которых начинается анафорическим местоимением *это*. В каждом из стихов указательное местоимение *это* выступает в позиции подлежащего в предложении, при этом сказуемыми являются номинативы: *выстрел, чулок, страх темноты, страх, шаги*. Указанные номинативы акцентированы ритмико-мелодическим устройством строфы. Вторая строфа текста организована похожим образом. В ней 4 стиха, 1 и 3 из которых начинаются со слова *Это*. В 1 стихе локализируются сразу две структуры с начальным *Это*. Во 2 стихе слово *это* отсутствует, но оно подразумевается развертыванием композиции строфы. А в последнем стихе второй строфы слово *это* занимает сильную позицию последнего слова. Строфа завершается многоточием после слова *это*. В сочетании со знаком многоточия – знаком смысловой незавершенности – такая композиция строфы создает эффект инерции смыслового развертывания. Ведь каждый слушатель или читатель может по-своему достроить ассоциативный ряд, заданный автором. В 1 и 3 стихах во всех случаях слово *это* играет роль подлежащего при сказуемых, выраженных номинативами: *камень, лезвие, люди*. Во 2 и 4 стихе локализованы номинативные предложения, точнее повтор одного номинативного предложения *Настоящие дни*. Во 2 стихе это предложение повторяется дважды, а в последнем стихе сочетается с усилительным *да и это*. Безусловно, однородный грамматический номинативный ряд в первых двух строфах стихотворения соотносится со структурой стихового ряда (горизонтального и вертикального). Благодаря композиционной и ритмической организации первых двух строф номинативы-предикативные центры выстраиваются в вертикальный ряд: *выстрел, чулок, страх темноты, страх, шаги, камень, лезвие, дни, дни, люди, дни*. Такая упорядоченность компонентов позволяет реализовать особую функцию поэтического текста – фасциативность (завораживание).

Рассмотрим стихотворение Бориса Пастернака. В первых двух строфах структурной доминантой является конструкция с подлежащим *это* и сказуемым номинативом. В первой строфе каждый стих организован подобным образом. Номинативы-сказуемые составляют вертикальный номинативный ряд: *свист, щелканье, ночь, поединок*. Во второй строфе первые три стиха начинаются словом *Это*. В первых двух стихах локализованы предложения с подлежащим *это* и сказуемыми-номинативами: *горох, слезы*. В 3 и 4 стихах локализовано двусоставное предложение (*Это – с пультов и с флейт – Figaro низвергается градом на грядку*). Подлежащее *Figaro* вписывается в вертикальный номинативный ряд: *горох, слезы, Figaro*.

Стихотворение Бориса Пастернака является для русской культуры прецедентным текстом, посвященным теме Поэта и Поэзии. Эдмунд Шклярский путем использования аналогичной структурно-синтаксической основы раскрывает ту же тему. В отличие от стихотворения Пастернака, которое прямо названо «Определение поэзии», текст Шклярского не имеет названия. Это – своеобразная загадка для адресата: «посвященный поймет». Человек, знакомый с русской поэзией XX века, сразу соотнесет текст Шклярского с широко известным стихотворением Пастернака. Подчеркнем, что интертекстуальная связь осуществляется главным образом за счет актуализированной грамматической формы. Дополнительной отсылкой к Пастернаку и его роману «Доктор Живаго», с нашей точки зрения, является метафора *ждущие свет люди в серых пальто*. Сам Шклярский во время интервью на «Нашем

радио» 22 февраля 2004 года сказал о том, что «песня «Настоящие дни» – это интерпретация чего-то..., какая-то переключка с некогда прочитанным».

Итак, сопоставление двух поэтических текстов подтверждает гипотезу о том, что грамматическая форма номинативного ряда способна служить индикатором интертекстуальных связей. В силу прецедентности этого структурно-семантического комплекса (морфосинтаксической модели) в русской поэзии, отсылка к предтексту возникает, на наш взгляд, на основе тождественности номинативного ряда, а не только за счет цитирования лексем-членов ряда. Перспективой исследования является рассмотрение других однородных грамматических рядов в качестве характерных для русской поэзии интертекстом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голикова О. М. Номінативні та інфінітивні ряди в художньому тексті : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / Оксана Миколаївна Голикова. – Харків, 2011. – 20 с.

2. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): монография / Елена Скоробогатова. – Харьков: НТМТ, 2012. – 480 с.

3. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтика именных категорий в текстах и идиостилях: монография / Елена Скоробогатова. – Харьков: Харьковское историко-филологическое общество, 2014. – 240 с.

4. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность / В. Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 2007. – С. 7 – 26.

(Статья поступила в редакцию 12 октября 2015 г.)